

УДК 808.51

В. Е. Семенков*

**«НЕ В СИЛЕ БОГ, НО В ПРАВДЕ...».
КОММЕНТАРИЙ К ИЗВЕСТНОМУ ВЫСКАЗЫВАНИЮ
АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО**

В работе комментируется известное высказывание из жития Александра Невского. Анализируя текстуальный, риторический и богословский контекст высказывания, автор подчеркивает, что в данном высказывании нет явно выраженной ненависти к врагу. Речь в нем идет не о том, чтобы уничтожить врага, а о том, чтобы быть уверенным в себе. Развивая эту мысль, можно сказать, что здесь имеет место апелляция к тому, что в людях есть, но чего они не осознают. Автор обращается к сути того, чем люди являются, к их бессознательной добродетели, к силе их веры. Исходя из анализа контекста высказывания, можно заключить, что правда в высказывании князя Александра понимается как правильная (истинная) вера.

Ключевые слова: текстуальный контекст высказывания, позиции по вопросу авторства жития, риторический контекст высказывания, богословский контекст высказывания, истина, правда

V. E. Semenkov

«God is not in force, but in truth ....».

Comment to one well-known saying of Alexander Nevsky

This paper commented on the lives of the famous saying of Alexander Nevsky. The author comments on the statement by analyzing the textual, rhetorical and theological context of the utterance. The author emphasizes that in this saying no express hatred for the enemy. In this statement we are not talking about how to destroy the enemy, and about how to be confident. Developing this idea, we can say that here we have an appeal to that in humans, but they do not realize it. The author refers to the essence of what people are unconscious of their virtues, to the strength of their faith. Based on the analysis of textual, rhetorical and theological context statements, we can conclude that the truth in saying Prince Alexander understood as correct (true) faith.

Keywords: textual context statements, position on the authorship lives rhetorical context statements, theological context statements, the truth.

---

* Семенков Вадим Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, semenkov1959@rambler.ru

В первой версии жития Александра Невского (далее — Житие) есть высказывание, получившее ныне очень большую степень распространения: «Не в силе Бог, но в правде...»¹. Замечательный русский философ Николай Бердяев полагал, что эти слова св. Александра Невского можно считать характерными для России и русского народа [3, с. 94]. (В том же абзаце Николай Бердяев добавляет, что «трагедия русского народа в том, что русская власть не была верна этим словам».)

Комментарий к этому высказыванию предполагает учет его текстуального, риторического и богословского контекстов.

Текстуальный контекст высказывания

Данное высказывание было адресовано воинам княжеской дружины перед выходом из Новгорода на битву со шведами. В Житии сказано, что битве предшествовало широкое распространение славы князя Александра.

Прослышав же о таком мужестве князя Александра, король римской веры из Полуночной страны подумал: «Пойду и завоюю землю Александрову». И собрал войско великое и... пришел к Неве... и послал послов своих, к князю Александру, говоря: «Если можешь, то сопротивляйся мне,— я уже здесь и беру в плен землю твою».

Александр же, услышав слова эти, распалился сердцем, и вошел в церковь Святой Софии и, упав на колени перед алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славный, праведный, Боже великий, крепкий, Боже пречечный, сотворивший небо и землю и поставивший пределы народам, Ты повелел жить, не вступая в чужие пределы!» <Второзакон. 32: 8; 4 Царств. 19: 15.> И, вспомнив псаломскую песнь, сказал: «Суди, Господи, обидящим меня и побори борющихся со мной, возьми оружие и щит, восстань на помощь мне» <Пс. 34: 1–2.>.

И окончив молитву, встал, <и>, выйдя из церкви, вытер слезы, начал ободрять дружину свою, говоря: «Не в силе Бог, а в правде. Помянем Песнетворца, который сказал: *“Иные — с оружием, а иные — на конях, а мы имя Господа Бога нашего призовем, они поколебались и пали, мы же восстали и стоим прямо”*. И, сказав это, пошел это, пошел на них с небольшой дружиной, не дожидаясь многих войск своих, но уповая на Святую Троицу [1, с. 273].

В Словаре книжников и книжности Древней Руси указывается, что имя автора Первоначальной редакции Жития неизвестно, хотя в тексте есть некоторые сведения о нем.

---

¹ Для автора данной статьи остается открытым вопрос: во всех ли редакциях жития князя Александра имеется это высказывание? В работе петербургского историка Ю. К. Бегунова «Александр Невский» из четырех приведенных редакций жития, это высказывание имеется только в двух [1]. В работе В. П. Мансикка о житии Александра Невского [7] из пяти приведенных редакций жития святого оно также содержится только в двух. Стоит иметь в виду, что только с XIII по XVII век было написано не менее 15 редакций жития князя Александра [2, с. 73]. Автор использует текст Жития, представленный в работе Ю. К. Бегунова «Александр Невский» [1].

Автор говорит, что многое об Александре он знает по рассказам «отец своих» («своих отец домочадец»), а сам «самовидец есмь възраста его», т. е. зрелых лет Александра. Автор не был участником Невского боя, о нем ему рассказали князь и другие участники битвы. ...Еще первые исследователи отмечали, что автор Первоначальной редакции не мог быть новгородцем: в его рассказе нет многих подробностей и фактов, которые можно было бы почерпнуть из новгородских и псковских источников, а иногда его рассказ противоречит этим источникам. ...Включение в текст нелестных для псковичей упреков в неблагодарности... исключает возможность псковского происхождения Первоначальной редакции. Многие указывают на то, что автор был жителем северо-восточных земель, Суздаля или Владимира. Александр изображается, прежде всего, как Владимир-Суздальский князь, его называют «солнцем земли Суздальской», и т. д.

Говоря об авторе Первоначальной редакции Жития, все ученые отмечают его большую начитанность. Среди установленных источников Первоначальной редакции, помимо библейских текстов: «История иудейской войны» Иосифа Флавия, Александрия хронографическая, «Летописец вскоре» патриарха Никифора, Девгениево деяние и др. Еще В. О. Ключевский заметил «литературное веяние старого киевского или волынского юга под этим северным суздальским пером». Сопоставив Первоначальную редакцию с Галицкой летописью, Д. С. Лихачев установил сходство между ними, причем в той части Галицкой летописи, где излагается биография Даниила Галицкого. Литературные связи Галича и северо-восточной Руси могли осуществляться, как предположил Д. С. Лихачев, через митрополита Кирилла, который в 1250 г. переехал с юга от Даниила Галицкого к Александру Невскому. «Вне всякого сомнения,— пишет Д. С. Лихачев,— Кирилл имел отношение к составлению жизнеописания Александра. Он мог быть и автором, но прежде всего он заказал житие кому-нибудь из проживавших на севере галицких книжников [9, с. 356–357].

Ю. К. Бегунов связывает составление Первоначальной редакции Жития с монастырем Рождества Богородицы во Владимире.

Здесь было погребено тело князя Александра, монастырь сыграл большую роль в создании культа князя. Именно здесь, в монастыре Рождества Богородицы, жил с 1250 по 1274 гг. митрополит Кирилл. Покровителем монастыря был князь Дмитрий Александрович, сын Александра Невского, ему автор Первоначальной редакции уделяет особое внимание, изображая Дмитрия Александровича достойным преемником власти отца. Первоначальная редакция Повести о житии Александра Невского, вероятно, и была составлена по инициативе Дмитрия Александровича и митрополита Кирилла в 80-е гг. XIII в. книжником монастыря Рождества богородицы во Владимире, галичанином по литературной школе и, возможно, происхождению [9, с. 357].

Таким образом, в отечественной истории литературы можно выделить две позиции по вопросу авторства Жития:

- 1) Согласно позиции В. О. Ключевского, автор жития — монах Рождественского монастыря, знавший князя Александра;
- 2) Согласно позиции Д. С. Лихачева, автор — митрополит Кирилл, либо сам написавший это житие, либо инициировавший его написание.

В объемном исследовании о традиции почитания князя Александра современного немецкого исследователя Ф. Б. Шенка ставится вопрос о том,

за какие религиозные заслуги, за какой подвиг Александр был причислен к чину святых? Исследователь указывает, что

агиограф сообщает о благочестии Александра, о почитении, с которым он относился к православному духовенству, о его участии в закладке храмов и объясняет принятие Александром монашества на смертном одре величайшим желанием «его паче меры ангельского образа». Однако ни об аскетизме, ни о готовности умереть мучеником в «Повести» речи нет. Засвидетельствованные боевые заслуги Александра не были связаны с мессианской войной, которая могла бы сделать полководца святым [11, с. 63–64].

Другой современный немецкий исследователь, Вернер Филипп, полагает, что автор «Повести» создал новый тип святого. По мнению Филиппа, в Житии Александра не говорится ни о страданиях от насилия, ни о мученической смерти за христианскую веру или аскетическом бегстве от мира, как в житиях других святых русских князей (например, Бориса и Глеба или Михаила Черниговского): «...здесь канонизированы само богоподобное правление князя и, таким образом, решение мирских вопросов под благочестивую ответственность» [11, с. 63]. Александр Невский становился отцом-основателем особого типа православных святых князей, заслуживших свое положение прежде всего военными заслугами, т. е. светскими деяниями, и таким образом вставший в один ряд с князьями-монахами, князьями-страстотерпцами и мучениками.

Риторический контекст высказывания

Александр Невский сказал эту фразу, отправляясь на бой со шведами-католиками, и, конечно, он знал что они католики, а не язычники. На сегодняшний день состояние вопроса о политических аспектах канонизации русских святых позволяет уверенно сказать, что Невская битва в *церковной интерпретации* не столько победа русского воинского духа над немецко-шведской агрессией, сколько победа православия над «латинством» [10, с. 87]. Современный историк Игорь Данилевский приходит к выводу, что описание самого прихода «короля части Римския» вполне созвучно в деталях библейскому рассказу о нашествии Ассирийского царя на царя Израильского Езекии. Далее наш соотечественник указывает, что

ассоциация данного текста с библейским рассказом о царе Езекии тем более правомерна, что в «Житии» есть... прямая ссылка на этого персонажа 4-й книги Царств. Такие параллели несколько проясняют мотив (написания Жития. — С. В.): Александр — последняя защита богоизбранной земли [4, с. 193–194].

Поэтому Игорь Данилевский пишет, что «в Житии речь идет, скорее всего, не только собственно о кончине князя, но и связанной с ней утрате слова Божия» [4, с. 181].

Очевидно, что традиция риторического воодушевления солдат перед боем уходит в глубь веков. Однако в этой фразе было сказано нечто новое по сравнению с тем, что было принято говорить в дохристианскую эпоху.

Достаточно указать на один широко известный пример — высказывание древнерусского князя-язычника Святослава «Мертвые сраму не имут», сказанное своим дружинникам перед боем с византийцами. (В последнем издании «Повести временных лет» написано «Мертвые бо срама не имам» [8, с. 33].)

Николай Михайлович Карамзин, ссылаясь на нарратив Нестора-летописца, так излагает ход событий:

Император встретил Святослава мирными предложениями и хотел знать число его витязей, обещая на каждого из них заплатить ему дань. Великий Князь объявил у себя 20 000 человек, едва имея и половину. Греки, искусные в коварстве, воспользовались временем и собрали 100 000 воинов, которые со всех сторон окружили Россиян. Великодушный Святослав, покойно осмотрев грозные ряды неприятелей, сказал дружине: *Бегство не спасет нас; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрадим отечества, но ляжем здесь костями: мертвым нестыдно! Станем крепко. Иду пред вами, и когда положу свою голову, тогда делайте, что хотите!* Воины его, приученные не бояться смерти и любить Вождя смелого, единодушно ответствовали: *наши головы лягут вместе с твоею!* вступили в кровопролитный бой, и доказали, что не множество, а храбрость побеждает. Греки не устояли: обратили тыл, рассеялись — и Святослав шел к Константинополю, означая свой путь всеми ужасами опустошения» [5, с. 132].

В этом высказывании говорится о том, что честь превыше всего; погибнем, но честь не посрадим. Показательно, что в XX веке риторику чести активно задействовали нацисты. Они осознанно противопоставили неоязыческую, арийскую честь, христианской любви.

Если у Святослава сопрягаются сила и честь, то в высказывании Александра Невского жестко противопоставляются сила и правда. Это противопоставление обусловлено новозаветным контекстом высказывания.

Высказывание «Не в силе Бог, но в правде...», безусловно, относится к новозаветной риторике, и мы можем найти перекличку этого высказывания с тем, что писал апостол Павел: «Посмотрите братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное» (1 Кор 1: 26–27).

Богословский контекст высказывания

Современными исследователями русской богословской традиции отмечено, что

синодальном переводе Библии слово «правда» упоминается 347 раз. Из них на Ветхий Завет приходится 298 случаев (85,9 %), а на Новый завет — всего 49 (14,1 %)… Слово же «вера» в Писании упомянуто соответственно 259 раз, в том числе в Ветхом Завете всего 13 упоминаний (5 %), в то время как в Новом — 246 (95 %). <...> Другими словами, в современной русской Библии «правда» — слово ветхозаветное, тогда как «вера» — вполне христианское, а их противопоставление для православного человека, казалось бы, должно решаться в пользу веры [13, с. 145].

Но этого, как указывает А. Л. Юрганов, не произошло:

словами «правда» и «кривда» в средневековой Руси можно было обозначить практически любые деяния человека. «Правду» можно было *дать*, т. е. отнестись справедливо, либо принять клятву. «Правду» можно было *взять*, например, в суде, если бросают жребий, надеясь на волю Божию. «Правду» можно было *затерять*, утратив представления о добре и зле. Ее можно было иметь, относясь справедливо, и погубить — собственной виной. Человек мог *жить* по «правде», потому что она — Божьи заповеди и церковные правила [12, с. 44–45].

Что же тогда имеется в виду под силой и правдой? Можно сказать, что в традиции средневековой русской мысли силу рассматривают как нечто земное и человеческое, а правду — как то, что имеет внеземное происхождение. Тогда, следуя этой логике, в этом высказывании мы присоединяемся к правде Божией, а земное принижаем.

Филолог Александр Круглов в словаре «Психология и характерология понятий» указывает, что «в течение последних пятидесяти-ста лет “истина” и “правда” обменялись значениями. ...Раньше — истина — “то, что было на самом деле, в действительности”, а правда — “то, что должно быть, правильность, справедливость (которая в идеале совпадает с подлинной действительностью) ”». То есть истина — всего лишь факт, а действительность-истине — правда. Круглов указывает, что если по Киреевскому «правда — это истина плюс справедливость», то сейчас уже, наоборот, скорее истина — это правда плюс справедливость. Объяснение этой инверсии таково. Еще совсем недавно, в эпоху Киреевского «истина» имела значение «капитал» (то, что у тебя на самом деле есть), а слово «правда» употреблялось примерно в том смысле, в каком оно употреблено в названии древнего свода законов «Русская правда»: «что считать за правильное» [6].

Зададимся вопросом о типе это высказывания: это утверждение или декларация? Иначе говоря, это констатация факта (Бог — в правде) или призыв поверить, что Бог именно в правде, а не в силе?

Если это высказывание является утверждением, то от него, как от всякого утверждения, ожидается доказательство его истинности. Любые утверждения предполагают обоснование, и оцениваются в паре категорий «истинно — ложно». В свою очередь, декларация — это объявление о чем-либо, но предоставления (развернутого обоснования) она не предполагает. В данном случае никакого обоснования воинам малой дружины (и читателям Жития) не было дано. Внешне вся сцена выхода из храма и обращения к дружине очень похожа на клятву.

Возникает вопрос, если автор высказывания не берется давать ему обоснование, то за что он несет ответственность? Он берет ответственность за то, что подтвердить высказывание можно только победой (над противником). Логика этого высказывания примерно следующая: я, ваш предводитель, не могу вам доказать, что Бог на нашей стороне, но если вы в это поверите, то так оно и будет. Иными словами, если вы поверите, что Бог — в правде, то победите, а если вы верите, что Бог — в силе, то проиграете. Победа всем нам будет дана по силе вашей веры в то, что я вам сказал.

Поэтому, отвечая на вопрос о типе этого высказывания, можно заключить, что оно представляет собой декларацию в модусе призыва поверить в то, что «Бог — в правде», и вера в это и приведет нас к победе.

Вместе с тем стоит отметить, что, несмотря на антикатолическую направленность всего Жития, в данном высказывании нет явного выражения ненависти к врагу, тут речь идет не о том, чтобы уничтожить шведов («сколько раз увидишь — столько раз и убей!»), а о том, чтобы быть уверенным в себе («вы даже не знаете, сколько у вас силы!»). Развивая эту мысль, можно сказать, что здесь имеет место апелляция к тому, что в людях есть, но чего они не осознают. Автор обращается к сути того, чем люди являются, к их бессознательной добродетели, к силе веры.

Исходя из этого можно заключить, что правда в высказывании князя Александра понимается как правильная (истинная) вера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бегунов Ю. К. Александр Невский. — М.: Яуза; Эксмо, 2009.
2. Бегунов Ю. К. Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском // Труды Отдела древнерусской литературы. — Т. 24. — Л.: Наука. — 1971. — С. 73–78.
3. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Вопросы философии. — 1990. — № 1. — С. 94–101.
4. Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. — М.: Аспект Пресс, 2001.
5. Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. — Т. 1. — М. Наука, 1989.
6. Круглов А. Словарь «психология и характерология понятий». URL: <http://www.alkruglov.narod.ru/glossary.html>
7. Мансикка В. П. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. — СПб., 1913.
8. Повести временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. — СПб.: Наука, 1999.
9. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI — первая половина XIV в.). — Л.: Наука, 1987.
10. Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). — М.: Изд-во Московского государственного университета, 1986.
11. Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / Авторизованный перевод с нем. Елены Зеленской и Майи Лавринович. — М.: Новое литературное обозрение, 2007.
12. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. — М.: МИРОС, 1998.
13. Юрганов А. Л., Данилевский И. Н. «Правда» и «вера» русского средневековья // Одиссей: Человек в истории. Культурная история социального. 1997. — М.: Наука, 1998.